

ЛЕКЦИЯ 13

Мы с вами остановились в прошлый раз на четвертой молитве оглашения. После этой молитвы священник поворачивается к крещаемому или крещаемым и говорит: "Изжени из него (из них, из нея) всякого лукаваго и нечистаго духа, сокрытаго и гнездящагося в сердце его". Эту молитву священник повторяет трижды и дует каждый раз на уста, на чело и на перси крещаемого. Затем говорит более подробно: " Изжени из него всякого лукаваго инечистаго духа...", а дальше: "...духа прелести, духа лукавства, духа идолослужения и всякаго лихоимства, духа лжи и всякия нечистоты ... по наущению диаволу. И сотвори его оча словесныя..." (текст молитвы).

Здесь следует остановиться на моменте, который, может быть, внушает некоторые сомнения: почему так много раз нужно дуть или еще какие-то действия совершать? Разве сами по себе молитвы недостаточны? Зачем священнику нужно дуть и на чело, и на уста, и на перси?

Нужно помнить, что мы с вами всегда нуждаемся по самой природе своей в воплощении всего духовного. Мы не умеем воспринимать духовное только духовно, потому что сами имеем как бы двойную природу — духовную и телесную. Человек является воплощенным духом, поэтому всякая духовная энергия, духовное действие требуют воплощения, чтобы нам было легче их усвоить.

Сам Господь Иисус Христос, совершая чудеса, всегда прибегал к какому-то воплощению своих действий. Например, он делал брение из плюновения — брал землю, разводил ее слюной и помазывал такой мазью слепым очи, и они прозревали. В других местах он тоже совершал дуновения, иногда ударял, как сказано в Евангелии, слегка похлопывая, по какому-то члену, и брал за руку. Одним словом, Христос тоже прибегал к воплощению своего духовного действия. И все наши чинопоследования и обряды имеют ту же самую цель: нам нужно совершить некое духовное действие, но так, чтобы оно было воспринято телесными людьми. Поэтому мы прибегаем к разным символам, которые являются воплощением духовного действия, они помогают нам соединить мир духовный с миром телесным, в котором мы живем.

Это необходимо. И у нас это не вызывало никакого сомнения, если бы какие-то действия не были для нас в какой-то мере скомпрометированы. Собственно, не само воплощение того или иного момента нас смущает, мы всегда так делаем: молимся Богу — делаем поклоны, это то же самое. Или совершаем крестное знамение. Можно мысленно перекреститься, а нам нужно обязательно рукой перекреститься. Это то же самое.

Но то, к чему мы привыкли, что вошло в наш быт, — оно не вызывает сомнений. А есть моменты, которые как-то чем-то скомпрометированы, и их нам понять и принять труднее.

Этой компрометации очень содействовали всегда колдуны, которые используют тоже средства, у них тоже есть символика, только смысл у нее другой. Для нас символ нужен, чтобы помочь молитве, чтобы она была более доходчивой, более ясной, чтобы выразить и воплотить наши духовные усилия, духовные устремления. В колдовстве, в магии, как мы говорили много раз, символ употребляется как некая самодостаточная формула, там не требуется никаких усилий, никакой молитвы, никаких чувств или устремлений — ничего этого не требуется. Там требуется просто подтвердить как бы договор с темными силами посредством испол

— 2 нения каких-то формальных моментов. Если я проговорю какую-то тарабарщину, значит я тебе послушен, значит я использую ту формулу, которую ты мне дал. Поэтому я твой, и ты исполняй свою часть договора, делай то, что обещал. Это магизм. Поскольку всякое колдовство, всякое волшебство вообще в истории человеческого рода и в русской истории, в русской жизни всегда оставалось очень распространенным и сильным (им полны и сказки, им полны до сих пор не только глухие деревни, но теперь даже и города столичные), поэтому очень часто у нас происходят какие-то неприятные ассоциации и нам бывает трудно воспринять тот или иной символ.

Нужно помнить, что всякий чин, который мы изучаем, имеет очень древнее происхождение. И тогда, когда он составлялся, символ, употребляемый в нем, был естественным, он воспринимался тогда легко и естественно — иначе, чем теперь. И в некоторых случаях мы даже можем как-то изменить эту символику, но по большей части стараемся сохранить древний обычай, древний чин. И нужно поэтому относиться ко всем этим моментам естественно.

Конечно, если мы будем думать, что дуновение священника или кого-то из нас — крещаемых, крестных, присутствующих, молящихся — имеет особенную силу, в нем какое-то святое дыхание, само по себе попадающее всякую нечистую силу, то это губительно для нас. Это опять-таки магизм, колдовство, усвоение себе какой-то особенной силы и святости, что, конечно, ведет к гордыне, прелести и превращает всю нашу духовную жизнь в язычество. Нужно всегда помнить, что всякое наше действие, всякое символическое движение священника или что-то другое выражает всегда действие Божественное, Божие действие. Это есть всегда символ того, что дает нам Бог. Мы должны возводить всякое свое слово и всякий символ к Богу и не себе усваивать силу Божественную, а помнить, что все —

от Бога. Тогда никакого магизма здесь не будет, тогда будет понятно, что всё это будет происходить по вере Церкви, по любви Церкви, по ее молитве. Это то, что отличает подлинно православное христианское отношение и богослужение от всякого колдовства и магизма.

Я об этом говорю, может быть, на каждой лекции, но не боюсь, что вам это надоест, потому что такое твердое понимание, мне кажется, очень важным и необходимым. У нас сейчас практически в Церкви это различие утрачено, и куда ни посмотришь, везде сталкиваешься с элементами магического восприятия христианства и богослужения. А в католицизме оно уже узаконено. И это, если хотите, есть как бы не выявленная еще ересь, очень страшная. Это не я открыл, эта ересь была известна и в древности, с ней боролась Церковь всегда. Я вам уже говорил, что древние каноны об этом говоря очень ясно — скажем, каноны Василия Великого стоят на страже чистоты православия, чистоты православного восприятия веры. Василий Великий назначает даже тяжелое наказание — до отлучения от причастия и от Церкви за подмену духа, подмену правильного восприятия, чтобы оградить православие от язычества. Тогда это было не менее актуально, чем теперь. Мы теперь забыли эти каноны, забыли эту строгость и опять возвращаемся к языческому мироощущению, что особенно, конечно, страшно внутри Церкви.

Именно на этом основаны очень многие наши заблуждения, отсюда происходит очень часто совершенно неправильное истолкование даже и священниками своих действий в богослужении, и миряне очень часто не понимают, что такое служба, что такое таинство христианское православное. Для нас необходимо обяза

— 3 тельно всегда помнить, чувствовать это очень важное, принципиальное различие, которое очень тонко, но его нужно всегда улавливать.

Не будем смущаться с этими дуновениями, плуновениями и т.п., не будем думать, что это какое-то колдовство. Это просто древние символы, которые для простого сознания древнего был естествен.

После той молитвы, которую я прочитал, в требнике содержится следующее указание: "И совлечену и отрешенну крещаемому отвращает его священник на запад, горе руци имущего, и глаголет". "Совлечен и отрешен" — значит "раздет и распоясан" тот, кто будет креститься, с него снята одежда, снят пояс. Его священник поворачивает лицом на запад, и он должен поднять руки горе, и священник ему говорит: "Отрицаешься ли сатаны и всех дел его, И всех ангелов его, и всего служения его ...?" Что это такое? Это уже не молитва, не заклинание, не запрещение нечистым силам. Это вопрос, который требует ясного ответа. Речь идет о некотором исповедании отношения со стороны того, кто приходит и просит таинства, просит, чтобы над ним совершилась тайна Божия.

Этот момент очень принципиален, потому что во всех таинствах всегда, во всех чинопоследованиях в более или менее ясной форме присутствует этот момент — момент исповедания своей веры. И вполне естественно, потому что вы помните слова Христа: "По вере вашей будет вам". Все духовное совершается всегда по вере. Вера есть необходимое условие для того, чтобы совершилось какое-то духовное действие. Это настолько удивительно, что требует нашего особенного внимания.

Вспомним слова Евангелия о том, как Христос в Назарете не мог совершить никакого чуда "за неверствие их". Потому что Его соплеменники, те, кто жил вместе с Ним в этом городе, кто провел рядом с Ним детство и юность, — они не верили в Него. Они говорили: "Какие он может творить чудеса? Это же сын плотника. Все мы его знаем, знаем его братьев и сестер, откуда же у него такие силы, такие чудесные дарования?"

Они не верили в Него, и поэтому Евангелие говорит, что Христос не мог — я подчеркиваю эти очень странные для нас слова — не мог совершить никакого чуда. Как это увязать со всемогуществом Божиим, ведь Христос — Сын Божий, Ему все возможно. Но Христос Сам говорит в другом месте: "Все возможно верующему". Вы видите, вера каждый раз Самим Христом поставляется как некое необходимое условие, и даже не условие, а некая как бы сила, как бы сама возможность совершения духовного действия.

Почему же Христос, всемогущий Сын Божий, не мог сотворить чуда? А потому, что чудо творится для человека, который является образом Божиим. Одной из основных черт богоподобия человека является его свобода, его творческая способность, активность в духовном творчестве.

Эта свобода, эта творческая активность соединяются неразрывно с верой. Вера — это и есть творческая сила. Это не просто доверие, как мы часто думаем, упрощая для себя это понятие. Вера — это нечто другое, это какое-то особенное духовное состояние именно творческой возможности. Именно верой творятся духовные действия. И если бы Господь без веры присутствующих совершал бы чудеса, то это было бы насилием, и здесь Бог Сам отказывается от Своего всемогущества для того, чтобы сохранить свободу человека. Чтобы не умалить человека, не уничтожить его в некотором смысле, потому что насилие духовное было бы упразднением человеческой богоподобной свободы.

— 4 Так что Христос здесь Сам Себя ограничивает — до невозможности. Не может Он преступить то, что Сам сотворил: дал человеку богоподобие и никогда не хочет его отнять.

Вера, таким образом, является необходимым состоянием для того, чтобы совершилось любое духовное действие. "По вере вашей будет вам". Все возможно верующему, и только верующему. И всякое таинство, которое является всегда особенным духовным действием, чудом благодати Божией, — всякое таинство требует веры.

Что это значит? Вот, например, в церкви совершается какое-то таинство. Предположим, что там в это время есть какой-то неверующий человек. Совершится оно или нет? Да, оно совершится, если есть вера Церкви, если каким-то образом все-таки Церковь здесь выявляет свою веру. Если есть хоть один человек, через которого возможно выражение всей веры Церкви, всей церковной полноты. Может быть, это священник, а может, какие-то другие люди — словом, Церковь здесь имеет возможность во всей полноте эту веру явить. И тогда ради этой веры совершится таинство. Если не будет ни одного человека, если все присутствующие и священник не верят, то таинство не совершится. Нужно быть в этом совершенно убежденным.

Конечно, чрезвычайно трудная и конфликтная ситуация возникает, когда мы пытаемся совершать таинство, не имея свидетельства веры. Это бывает очень часто теперь, в особенности когда мы крестим. Сегодняшняя ситуация, когда стало как бы нормой крещение совершенно формальное, когда приносят детей неверующие родители и, можно сказать, неверующие крестные, когда священник не имеет возможности убедиться в их вере и совершает тем не менее крещение, — такое крещение действительно становится для нас некоей чрезвычайной коллизией, столкновением неких совершенно как бы противоположных явлений.

Что я имею в виду? Тут вполне законно поставить вопрос: а совершается ли тогда таинство? Такое крещение, которое я уже описывал не раз, когда огромное количество людей, все они какие-то маловерные в лучшем случае, а иногда просто неверующие, и священник ничего не может ни объяснить, ни сказать, ни спросить. Совершается ли тогда таинство вообще? Если каким-то образом к купели подошел человек, который вообще не верит, а решил креститься просто так, "на всякий случай"? Или прислала его жена крестить ребенка. Сама не пришла, ей нельзя — 40 дней не прошло. И вот он, неверующий, пришел и крестит. Совершится ли это таинство?

Здесь следует сказать: если священник крестит с верой, то, конечно, свершится. Но если крещаемый не верит, то он не воспримет благодать этого таинства, т.е. таинство совершится, но в сердце его эта тайна не войдет и благодати этой он не унесет с собой. Это относится к любому таинству. Можно так же точно исповедаться, и таинство будет совершаться. Но человек не почувствует облегчения, не почувствует, что благодать Божия подействовала в нем.

Что это значит, как это понять? Это требует простого анализа. Бог дает Свою благодать, а человек не в силах ее вместить. Если бы Бог не дал Своей благодати, то значит, таинство не совершилось. И так, конечно, будет, если, как я говорил, ни одного верующего человека нет. Но если кто-то есть, то Господь дает Свою благодать ради их веры. А воспринять эту благодать или нет — зависит от того человека, которому она дается. Если он верит, то примет, и примет столько, сколько верит.

— 5 —

Поэтому-то здесь, может быть, в самой выпуклой форме по сравнению с другими чинопоследованиями содержится исповедание веры. Более того, не только исповедание веры, но и принесение крещальных обетов, т.е. принесение некой присяги. "Отрицаешься ли ты сатаны, и всех дел его, и всех ангелов его, и всего служения его и всея гордыни его?". И крещаемый должен сказать: "Отрицаюсь". Священник спрашивает его второй и третий раз, и он говорит: "Отрицаюсь". Тогда он спрашивает: "Отрекся ли еси ты сатаны?". Там было в несовершенной форме — здесь усиливается вопрос, уже в совершенной форме ставится вопрос: "Отрекся ли ты сатаны?".

Смысл этого усиления таков: со всей серьезностью ты должен понять, как важен этот момент, момент твоего самоопределения. Ты отвечаешь Богу и перед Богом выбираешь свой жизненный путь. Отрекся ли ты наконец навсегда? И он говорит: "Отрекохся". Трижды задается этот вопрос, и трижды приносит ответ. И вот после этого еще одного усиления требует священник. Он говорит: "И дуни и плюни на него (на сатану — о.Владимир)". То есть вырази свое отречение еще и действием. И дело тут опять не в магии, не в том, что именно плюнуть и дунуть на сатану надо, и тогда он исчезнет. Дело не в этом, конечно, а в том, чтобы ты выразил то, что говоришь, еще более ясно, еще более наглядно.

И вот если такое отречение от сатаны "и всех дел его, и всех ангелов его" (т.е. от всех духов тьмы, от всякого темного духа лжи) мы с вами стали бы дополнять и анализировать, то мы должны были бы сказать сегодня: "И от экстрасенсов, и от НЛО, и от космических пришельцев". От всего этого нужно отречься, это всё — разные ангелы сатаны, разные духи, всякие лживые учения. От всего этого требуется отречься, чтобы отныне свое сердце отдать только Богу.

После такого отречения священник поворачивает оглашенного лицом к востоку, т.е. к алтарю, и спрашивает: "Сочетаваешься ли Христу?" Смысл понятен, но скажу еще, что в греческом подлиннике стоит слово "синтаксис" — "соединение" ("Соединяешься ли со Христом?"). Не просто договариваешься

и соглашаешься со Христом, а именно соединяешься с Ним. Оглашенный говорит: "Сочетаваюсь". И также священник спрашивает его второй и третий раз, а потом усиливает этот вопрос в совершенной форме: "Сочетаешься ли еси Христу?". И оглашенный говорит: "Сочетахся".

Здесь тоже может возникнуть вопрос: как же сочетался, если он еще не крещен? Что здесь имеется в виду? Имеется в виду, конечно, что он окончательно решил соединиться со Христом. Не только хочет этого, но это уже его твердое окончательное решение, его присяга, его обещание отныне соединиться со Христом. И тогда священник спрашивает: "И веруеши ли ему?". Оглашенный должен ответить: "Верую яко Царю и Богу".

После этого он должен произнести Символ веры, исповедовать свою веру во всё учение Церкви. Не просто сказать "да" на вопрос "веруете ли вы в Бога?", как это делают теперь многие, когда мы спрашиваем крещаемых: "Вот вы желаете креститься, а верите ли вы в Бога?". И слышим в ответ: "Ну да, я не отрицаю, что-то там такое есть". Нет, не такая вера здесь необходима. Здесь требуется исповедовать Символ веры, т.е. веру во все церковные догматы.

Вы помните, в конце Символа веры есть: "Верую во едину святую соборную и апостольскую Церковь", т.е. в Церковь и во все то церковное учение, которое она содержит. То есть исповедание Символа веры означает принятие всей полноты церковной

— 6 жизни, церковного учения, церковного сознания. Только тогда можно креститься. Никакая полувера, никакие сомнения здесь недопустимы. Если ты еще не стал православным, тогда не приходи в православную церковь креститься.

Может быть, вы заметили, что я сказал вам, что после трех вопросов "Сочетаваешься ли Христу?" и трех ответов "Сочетаваюсь" следует один вопрос "Сочетавался ли еси Христу?" и один ответ: "Сочетахся". И потом — исповедание веры. Не думайте, что один. После того, как оглашенный произнесет Символ веры, священник снова его спрашивает: "Сочетавался ли еси Христу?". И он снова скажет: "Сочетахся". И священник снова скажет: "Веруеши ли Христу?", и снова он ответит: "Верую яко Царю и Богу". И второй раз повторит Символ веры, а потом то же самое повторяется в третий раз.

Конечно, после третьего раза опять "Сочетался еси Христу?" — "Сочетахся". "Сочетался еси Христу?" — "Сочетахся". И третий раз вопрос тот же. После этого говорится: "И поклонись Ему", и он поклоняется, говоря: "Поклоняюся Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней".

Эта часть чина оглашения занимает наибольшее время, если исполнить ее по требнику и не сокращать. Таким образом, можно сказать, что главная часть чина оглашения — исповедание веры и принесение крещальных обетов. Это как раз то, что теперь проходит почти незамеченным во время массовых крестин, потому что если у священника могучий голос, тогда он может кричать с амвона: "Сочетаваешься ли Христу?". А они не знают, что отвечать. "Отрицаешься ли сатаны?" — "Ладно, отрицаюся, от всего отрицаюся". То есть момент исповедания веры отсутствует по существу, тем более что Символа веры не знает практически никто из тех, кто приходит креститься. С них никто не требует, чтобы они заранее выучили Символ веры, и они его не знают. Священник читает его сам или ставит какую-нибудь алтарницу, помощницу, чтобы она его прочитала, и она читает Символ веры себе под нос, а им невдомек, что это такое и зачем это нужно. Происходит все совершенно формально — не исповедание веры теми, кто пришел креститься, а просто вычитывание чина. Конечно, происходит именно магия какая-то, и это трагично для нас. Когда вот так профанируется совершение оглашения, то что же удивляться, когда наш крещеный народ представляет собой такое страшное зрелище? Среди этого крещеного народа настоящих христиан почти нет. И так много одержимых, так много всяких бесноватых людей, больных. И этому не приходится удивляться, потому что все то, что должно быть дано в таинстве крещения, в этом удивительном чине, не воспринимается людьми. Они ни во что не верят, ничего не понимают и ничего не могут воспринять. И всё идет как бы мимо них, они уходят из церкви не обогащенными.

И напрасно мы думаем, что все дело в том, чтобы над ними что-то совершить. Церковь так никогда не думала, она всегда считала, что самое главное — устроить сердце человека, наполнить это сердце верой, чтобы разум человека стал истинным, чтобы человек именно изнутри, в духе проникался Богом. Вот что важно, а вовсе не какие-то действия, совершенные над ним.

Так вот, нужно еще раз подчеркнуть, что обеты, данные в чине оглашения и крещения, являются необходимым условием для совершения крещения. Если бы, например, тот, кто желает креститься, сказал бы: "Нет, я не отрицаюсь", священник не имел бы права его крестить. Если он скажет: "Нет, я не сочетаюсь со Христом", то у кого поднимется рука его крестить? То

— 7 есть принесение этих обетов есть необходимое условие для совершения таинства крещения, отсюда следует важность и ответственность этого момента.

И еще, конечно, нужно помнить, что эти обеты потом потребуют нашего ответа. На Страшном суде мы будем отвечать за то, соблюли ли мы верность этим обетам. Практически что это значит? Приходит

креститься человек, до сих пор живший в каком-то грехе — например, как это часто бывает, в блуде. Он приходит, и священник должен обязательно его исповедать перед тем, как допустит к крещению. И когда он узнает, что человек этот живет в каком-то грехе, он должен объяснить, что это есть рабство — рабство греху, рабство сатане. Это несовместимое с православием, с церковной жизнью состояние. Если он хочет соединиться со Христом, то он должен покончить с этим рабством, прекратить свой грех. И когда он отрекается от сатаны, он отрекается от этого греха, обещает, что никогда в жизни больше такого греха не совершит. Это есть отречение от всякого смертного греха, того греха, который выводит человека из Церкви.

Недостаточность нашего оглашения проявляется как раз в том, что теперь все получается наоборот. Человек приходит креститься. Пытаешься его как-то приготовить, что-то объяснить, но, конечно, нет возможности, нет для этого нужного инструмента. И вот окрестил его и объяснил, и позвал его к церковной жизни. Показать ему хотя бы начало этой церковной жизни христианской, а человек после этого пропал. Церковь говорит: ты должен жить церковной жизнью, ты должен часто причащаться, должен молиться, должен войти в общину церковную. Все старое нужно забыть, к этому нет возврата.

А он пропал, и нет его день, нет его два, иногда он больше никогда не приходит, а часто приходит через полгода, через год и сообщает, что так случилось, что он не смог придти, и снова он блудит или снова он пьянствует, или снова кого-то обокрал. И это бывает удивительно больно священнику, потому что нет ничего больнее и страшнее, чем вот такое попрание благодати Святаго Духа. Какое кощунственное пренебрежение даром Божиим, какое отвержение Бога! Это самое страшное.

Можно понять, когда человек грешит, не зная Бога. Но вот теперь он Его узнал и может покаяться, может начать новую жизнь. Но когда он был сподоблен Богом этой новой жизни, когда ему были прощены всего его грехи в таинстве крещения, когда его уже ввели в Церковь и сподобили причастия Св.Христовых Таин и благодати и любви Христовой, он как бы уже рожден для новой жизни — и после этого он снова все это начинает погрывать, совершает поругание святыни, самой большой, самой великой святыни. Это страшно. Может быть, это самое страшное.

Почему так происходит? Это происходит потому, что мы не совершаем своего долга. Мы не объясняем людям достаточно, как велико то событие, к которому они приходят, которого они ищут, как велико таинство крещения. Мы не даем им этого почувствовать, мы не вводим их туда, куда должны ввести.

После исповедания веры священник возглашает: "Благословен Бог..." и читает молитву (текст молитвы). На этом оканчивается чин оглашения. Вот теперь, прежде чем перейти к самому чину крещения, я очень кратко познакомлю вас с описанием того, как оглашение происходило в древности. Тогда это было так. Те, кто собирается креститься, приводились к священнику или епископу, чаще к епископу. Он знаменовал их, т.е. осенял крестным знаменем, возлагал руку на голову их и говорил молитву: "Благословен ты, Господи Боже..." (текст молитвы).

— 8 Здесь снова знаменует и записывает его имя среди оглашенных. И далее молится: "Ты, Владыко, послал миру святое Твое слово..." (текст молитвы).

Здесь есть еще одно удивительное описание, очень древнее, в чине оглашения. Это описание сохранилось от древней паломницы-француженки, некоей Сильвии Аквитанской. Ее рукопись найдена была в древних архивах и дала нам очень интересный материал.

Эта француженка была настоятельницей монастыря и поехала в Святую землю, где и прожила два года в Иерусалиме. Она очень интересовалась тем, как совершается богослужение, и вообще всей церковной жизнью в Иерусалиме. И оставила такое свидетельство:

"И о том должна была я написать, как поучаются те, которые приемлют Святое Крещение на Пасху. Заявляют свое имя, делают это до дня Четырдесятницы (т.е. до Великого поста о.Владимир). Имена всех записывает пресвитер, это бывает за восемь недель, в течение которых, как я сказала, продолжается Четырдесятница. Когда пресвитер запишет имена всех, на другой день Четырдесятницы поставляется для епископа кафедра в большой церкви, т.е. в муртириуме. По ту и другую сторону садятся на кафедре пресвитеры и становятся все клирики (значит, целый собор: в середине кафедры епископ, а по бокам от него пресвитеры и клирики — о.Владимир). Затем приводятся по одному ... крещения. Если это мужи, то приходят со своими отцами, если жены, то со своими матерями крестными. Затем епископ поодиночке рассаживает ... вошедшего, говоря, доброй ли он жизни, почитает ли родителей, не пьяница, не хвастун. И рассказывает о тех пороках, которые более тяжки в человеке. И когда он убедится, что тот безупречен во всем, о чем спрашивал епископ в присутствии свидетелей, то он собственноручно записывает его имя. Если же тот в чем-нибудь обвиняется, то епископ велит ему выйти, говоря: пусть он исправится, и когда исправится, приступит к купели.

Так он говорит, спрашивая о мужах и женах. Если же кто чужестранец, то он не так легко приступает к крещению, если только не представит свидетельства лиц, его знающих". Эта последняя фраза должна нас особенно удивить, потому что то, что мы прочитали, это уже не так легко. По ее наблюдениям, это наиболее легкая форма крещения. Если придет какой-то человек не местный, которого не знают здесь, то

ему доступ к крещению будет еще гораздо более затруднен. Потребуется свидетели, которые знают его жизнь.

И вот теперь сравните это с тем, что делается у нас. Когда каждый прохожий может войти в храм, ничего ни с кем не говоря, заплатить за ящиком какую-то сумму и требовать, чтобы его окрестили (или его ребенка). И если его спросят, верует ли он в Бога или где его крестный, он будет возмущаться: делайте, мол, что положено, и все.

Я, к сожалению, слышал ужасные случаи. Например, когда крестным становился мусульманин. Случай, конечно, абсурдный совершенно, но реальный. Очень часто крестный бывает некрещеным. То есть люди современные ничего не понимают. Да и откуда им что-то знать и понимать? Они не воспитывались в вере, ничего не могли прочесть, никто их ничему не научил. Они только слышали, что когда крестишь кого-нибудь, то нужен крестный. Так что их обвинить в этом нельзя.

Но здесь тем более велика ответственность священника и тех, кто какое-то отношение имеет к этим людям из нас, из верующих людей. Вот поэтому мы с вами и имеем факультет катехизаторский и курсы катехизаторские, необходимо сделать что-то, чтобы изменить эту страшную сегодняшнюю обстановку и, по существу говоря, профанацию величайшего таинства крещения. Нужно обязательно преодолеть это. В этом залог того, что Церковь наша будет жить. Если же будем профанировать величайшие свои таинства, то Церковь стоять так не может.

Мы заговорили о крестных, и здесь следует сказать несколько слов о том, для чего они нужны и как они появились. В этом свидетельстве вы слышали, что мужи приходят с отцами, а жены с матерями. Вполне естественно, что на крещение всегда человекам кто-то приводит. Бывает, что человек приходит сам, но чаще его приводит кто-то, кто ему что-то расскажет, как-то его подготовит. Вот такой человек называется крестным или восприемником. В древности было установлено, что должен быть один крестный. Для взрослого человека это не обязательно, и роль крестного не так велика при крещении взрослых. Другое дело, когда крестится младенцы.

Здесь нужно остановиться на этой проблеме вообще, потому что крещение младенцев признается вовсе не всеми. Вы знаете, что баптисты вообще отрицают возможность крестить младенца, и если, скажем, какой-то православный человек приходит к баптистам, то узнав, что он был крещен младенцем, баптисты будут крестить его снова, потому что не признают этого крещения.

Аргументируют они это тем, что в древности, в первых веках, младенцев не крестили вовсе. Это действительно так. Хотя они, вероятно, это утрируют, но все-таки младенцев в I веке не крестили, вероятно. Не крестили по вполне понятной причине. Во-первых, было немыслимо тогда вообще крещение младенцев, креститься в первое время — это был величайший подвиг. Это был подвиг веры, потому что вера христианская в глазах современников явилась какой-то новой сектой. Она была воспринята чрезвычайно враждебно не только теми, кто ненавидел Христа, но вообще всеми людьми, которые, по обычаю, консервативны. И вот появляется какое-то новое учение, причем учение, заявляющее о своей исключительности, которое говорит о том, что только оно одно спасительно, а все остальное — грех и заблуждение. С точки зрения язычников это была агрессивная секта. Христианство для язычников выглядело именно так, да и не только для язычников, но и для иудеев — в еще большей степени.

Поэтому креститься в тот момент, в то время было психологически очень трудно, почти невозможно. Это было большим подвигом. В последующее время, когда христианство стало распространяться и вроде бы стало креститься легче, стало уже много христиан и благодатные дары их были очевидны, в это время начинаются страшные гонения. И новокрещенный очень часто тут же бывает отведен на площадь и подвергается пыткам и казни. Так что креститься очень часто означало — подвергнуться мучениям и лютой смерти. Для того чтобы креститься, надо было иметь решимость за Христа умереть прямо вот теперь.

Из многочисленных мученических жизнеописаний мы знаем, как бывало: воины, призванные для того, чтобы казнить и пытать христиан, вдруг сами объявляли себя христианами и тут же становились в ряды мучеников, даже не успев покреститься. И тут же подвергались пыткам и казни за то, что они себя только объявили христианами. И таких случаев было очень много.

Но это означало, что принятие веры православной христианской требовало всегда очень большого подвига, оно никогда не могло совершиться формально. И, конечно, христиане не могли подвергать такой участи детей, которые не имеют сил для того, чтобы исповедовать свою веру перед лицом гонителей, которые не могут сознательно идти на смерть. У детей, конечно, восприятие совершенно иное, но и у христиан тогда не было мысли, что некрещеный ребенок обязательно погибнет, если он не крещен. Поэтому весьма поздняя интерпретация крещения, тоже, конечно, магического происхождения, была совершенно для христиан непонятной и чуждой. Естественно, что обречен на гибель тот, кто сознательно отрицает крещение, кто противится Богу. А ребенок, который просто не сознает всего, за это не может быть наказан. Поэтому крещение младенцев вовсе не воспринималось как нечто

обязательное. Не было трагедией, если младенец не будет крещен, и не считалось, что он обречен на гибель. Не в этом дело.

Очень скоро крестить младенцев начали. Почему? Не потому, что боялись их гибели, если они не покрестятся. А потому, что появились христианские семьи. И вот такая семья, скажем, родители и старшие дети, живет полноценной церковной, литургической жизнью, т.е. часто причащается, молится Богу, является членом общины, живет в полноте благодатных даров, и вдруг рождается младенец и оказывается выключенным из этой жизни, он не может жить вместе со всей своей семьей.

Вот это, конечно, чрезвычайно неестественная ситуация. Младенец, который имеет ангельскую душу, он-то как раз и лишен полноты благодатной жизни, которую имеет вся семья. Это совершенно противоестественная ситуация и поставила вопрос о крещении младенцев. То, что баптисты этого не чувствуют, не сознают и в их семьях живут некрещенные дети, указывает только на то, что они не знают благодатной жизни. Если бы они знали благодатную жизнь, то, конечно, и они не могли бы вынести, что у родителей это есть, а у детей нет. Именно потому, что и у родителей ее нет, потому они и спокойно всё это переживают. А древние христиане жили настоящей благодатной жизнью, т.е. они жили в Духе Святом. Это была жизнь, как мы говорили, харизматическая, постоянное присутствие благодати Божией ощущалось каждым христианином, и младенец, лишенный этой благодати, это было непредставимо.

Тогда Церковь решила, что можно крестить младенцев, можно дать им благодатную жизнь, но тогда, когда она им гарантирована. Когда ребенок рождается в христианской церковной семье и будет воспитан в вере, будет часто причащаться, будет жить благодатной жизнью. И без того, чтобы убедиться в такой гарантии, Церковь не довольствовалась, скажем, просьбами родителей, а требовала как бы еще одного независимого свидетеля, на которого возлагала ответственность за обеспечение церковной жизни младенца. Восприемник, крестный — это и есть такой человек, который берет на себя ответственность и перед Церковью обязуется, что ребенок будет жить церковной жизнью.

Одновременно он за младенца произносит крещальные обеты и исповедание веры, тем самым как бы принимая на себя обязательство воспитать младенца так, чтобы он, возрастая, подтвердил эти обеты и это исповедание веры. Здесь нужно отметить, что роль восприемника-крестного у младенца совершенно иная, чем у взрослого. Восприемник, или крестный, взрослого человека ни за что особенно не отвечает. Он является просто помощником. Вся ответственность лежит на самом крещаемом, который сознательно приходит в Церковь к Св.Крещению, сам отрывается от зла, соединяется со Христом, исповедует веру, сам выбирает свой путь, и восприемник просто помогает ему. А у младенца это не так. Без восприемника вполне можно крестить взрослого человека, хотя лучше, если будет помощник. Но младенца крестить без восприемника нельзя, здесь совсем другая мера ответственности. И когда у нас это все забыто и младенцев крестят без всякого осознания ответственности, когда крестными становятся люди не церковные, которым вообще это все невдомек, которые сами не то что Символа веры не знают, но не причащаются, не молятся, а становятся кумовьями, празднуют, выпивают...

На таком уровне совершение крещения — это просто страшно, это трагедия, и каждый, кто так приходит к крещению, не должен удивляться, когда младенцы вырастают преступниками, или больными, или сумасшедшими — это вполне естественно. Потому что в начале их жизни совершилось нечто страшное — профанация величайшего таинства, попрание благодати Святого Духа.

02.02.94.